

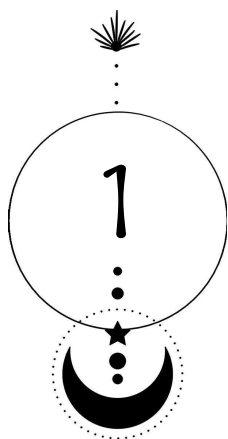
БОГИ В СВЕТЕ НЕОНА

Руки, полные пепла

Руки, полные бури

Руки, полные дождя

Я вернусь. Я обязательно вернусь.

Годы облетят, будто пожухлые листья, ветер снова принесет мой голос, шепотом зовущий тебя по имени. Ты услышишь его, обязательно услышишь. А я вспомню тебя. Потому что никогда не забывала. Не прощайся.

После успешного выступления в клубе группа чаще всего предпочитала напиться. Нынешний вечер музыканты «Стикс течет вспять» сочли однозначно успешным.

Маленький душный клуб оказался забит под завязку: неоновые огни бара отражались на потных телах танцующих людей. Они передавали друг другу пиво и косяки с травкой, громко смеясь и роняя запрещенный пепел на бетонный пол. Клуб устроили в бывшем заводском помещении, так что под потолком извивались переплетения неработающих труб. Но полумрак надежно скрывал любые недостатки.

Группа успела заявить о себе не только необычным названием, но и густым, неожиданно качественным и «темным» звуком. Четверо участников даже

обзавелись собственными поклонницами. Пятым членом группы была клавишница Роуз. Она меняла цвет волос почти перед каждым концертом, а фигуру затягивала в корсеты, украшая кружевом и атласными лентами.

— Боже, Стив, не обкуришь до того, что забудешь свое имя! — Она сморщила нос.

В комнате для музыкантов меланхоличный Стив только пожал плечами и сделал еще одну затяжку. Он являл собой живое олицетворение всех стереотипов о бас-гитаристах: невозмутимый и неразговорчивый.

Сияющий Майки беспечно махнул рукой:

— Да ладно тебе, Роуз! Концерт прошел офигенно.

— Мне кажется, ты выбираешь приличные выражения только потому, что я еще не ушла.

— Эй, ты нас бросаешь?

— Меня ждут.

— О, ты про того красавчика?

— Это мой муж вообще-то.

Конечно же, Майки знал об этом, да и с самим Сэмом была знакома вся группа, иногда они даже выступали в том клубе, где он работал барменом. Но Майки никогда не упускал возможность отпустить в его адрес пару шуток — да и в адрес любого другого человека тоже.

— Майки, заткнись, — серьезно сказал еще один участник группы.

Эллиот уже успел вытащить линзы, делавшие его глаза сплошным чернильным пятном. Спрятав их в маленькую коробочку, он протирал очки в тонкой черной оправе. Когда Эллиот водружал их на нос, то меньше всего походил на барабанщика андерграундной группы — скорее на студента факультета философии.

— Сам заткнись, — огрызнулся Майки. — Что ты вечно занудничаешь?

— Вношу рациональное звено в тот хаос, который ты зовешь жизнью.

— Это мой хаос. Он мне нравится.

— Если не будешь его контролировать, он тебя поглотит.

Со стороны сложно было поверить, но Майки и Эллиот еще со школы были лучшими друзьями. Они могли сколько угодно препираться друг с другом, но если бы кто-то попробовал обидеть одного из них, то имел бы дело сразу с обоими.

Майки изобразил обиду и, выхватив косяк у Стива, глубоко затянулся. Стив даже ничего не возразил, закинул руки за голову и уставился в потолок. Обратился он к последнему участнику группы, который молча сидел в углу:

— А что скажешь ты, Гадес?

Они не знали его настоящего имени — по крайней мере ни Майки, ни Эллиот не верили, что кого-то могут на самом деле звать Гадесом, а Стиву, похоже, было все равно. Роуз, правда, верила. Она как-то сказала, что ее второе имя, данное мамой, заставит поверить во что угодно, но самого имени никогда не называла.

Гадес собрал их группу. Он писал бóльшую часть текстов и музыки, а основная часть поклонников приходила послушать именно его бархатистый, проникающий под кожу голос.

— Отличное выступление, — лаконично сказал Гадес.

Роуз убрала с лица прядь волос, сегодня ярко-розовых, и застегнула молнию на чехле синтезатора.

— Проводишь? — спросила она его. — Или тоже решил обкуриться с этими чудиками?

— Попрошу! — возмутился Майки. — Чудик тут только Стив.

Гадес улыбнулся Роуз:

— Ты же знаешь, эта муть, как и алкоголь, на меня слабо действует.

— Я бы решила, что это вызов, и специально для тебя нашла что посылнее... но, пожалуй, воспользуюсь тем, что ты достаточно трезв, чтобы меня проводить.

Гадес подхватил сумку Роуз и, отсалютовав Майки, Эллиоту и Стиву, пошел за ней. Они быстро протиснулись через толпу людей, чуть не оглохнув от бьющей по ушам басами фоновой музыки, и оказались у изрисованного граффити фасада клуба. Роуз расправила плечи, глубоко вдыхая свежий воздух:

— Не представляешь, как я сейчас хочу пива!

— Так мы могли посидеть в баре.

— Нет, Сэм ждет. Я обещала, что не буду задерживаться. Он... ну, хотел устроить свидание.

Гадес снова улыбнулся:

— По-моему, очень романтично. Вы женаты, а он до сих пор устраивает тебе свидания.

— Ну да. Эх, и как ты до сих пор один? Столько девиц готовы визжать от одного твоего взгляда.

— Это не те женщины.

— Да ты успеешь перебрать половину города, пока отыщешь ту самую! — фыркнула Роуз.

— Не волнуйся о моей личной жизни. Я разберусь сам.

Роуз прикусила губу, понимая, что вообще-то Гадес прав. Но ей всегда хотелось устроить все наилучшим образом. Будь ее воля, она наверняка кормила бы каждого участника группы, просто чтобы быть уверенной, что они поели. На Рождество она совершенно серьезно подарила всем по шарфику.

Заметив машину Сэма, Гадес передал ей сумку:

— Если я подойду, это затянется надолго. Ты же знаешь Сэма, он любит рассказывать о коктейлях,

а я люблю слушать. Поэтому не буду задерживать ваше свидание.

— Ты чудо.

Роуз на прощание поцеловала его в щеку и поспешила к машине. А Гадес, прищурившись, осмотрел парковку, как будто хотел увидеть что-то за ней, сквозь нее. Сквозь ночной город, раскинувшийся вокруг.

Он достал сигареты из кармана джинсов и закурил. Прислонился спиной к каменной стене клуба, ощущая бьющие в его тело — в его теле — басы.

Недалеко расположилась группа каких-то девиц, громко хохочущих и обсуждающих прошедший концерт. С легкой улыбкой Гадес слушал сплетни о себе, Майки и Эллиоте. Стива обсуждали реже.

— О... это же ты.

Остальные девушки его еще не узнали, а вот стоящая рядом незнакомка, похоже, да. Гадес скопил на нее глаза, но сделал вид, что не понимает, о чем она.

— Кто — я?

— Гадес.

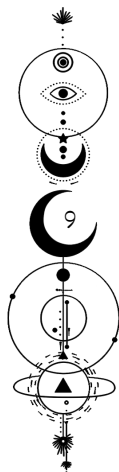
Его имя прозвучало у нее как-то необычно, как будто она произносила его каждый день, с такими интонациями... Гадес едва заметно тряхнул головой, отгоняя наваждение. А она тем временем напела:

— *Попроси его о боли... попроси его о грехе...*

И тут же заметно смутилась.

— Прости. Вообще-то я обычно вот так не пристаю к людям. Не знаю, что на меня нашло.

Гадес присмотрелся к девушке. Она казалась совсем юной, и густой слой косметики не мог этого скрыть. Вьющиеся волосы заплетены в две косы, и даже в мутном свете фонарей было заметно, что они рыжие. Правда, не ясно, натуральные или крашенные. Девушка была одета в корсет, короткую юбку и, неожиданно, гольфы, которые резко выбивались

из общего стиля посетителей клуба, но удивительно шли именно ей. Похоже, она мерзла в тонкой блузке, но не подавала вида.

— Привет, — сказал Гадес. — Мое имя ты знаешь, а как обращаться к тебе?

— Софи.

— Очень приятно, Софи. Ты куришь?

— Нет, вышла подышать свежим воздухом. Внутри душно.

Она не казалась девушкой, которая постоянно ходит по концертам и горящим неонам клубам, где играют андерграундные группы. Но неуловимо походила на девушку, которой нравится музыка, звучащая в подобных местах.

— Я правда не знаю, что на меня нашло, — кажется, Софи смущалась все больше. — Извини.

— Ничего. Правда ничего. Главное, не называй мое имя слишком громко, не хочу, чтобы те девицы услышали.

— О... тебе не нравятся поклонницы?

— Мне не нравится их назойливость. А однажды мы с ними все равно встретимся.

— Как загадочно звучит.

Гадес улыбнулся. Он знал, что в тених его улыбка выглядит одновременно и притягательной, и пугающей.

— Может, я вампир, который живет вечно.

— Скорее ты похож на древнего бога, который рассказывает в текстах песен об истине, но никто ему не верит.

Он вздрогнул. Настолько, что едва не уронил тлеющую в руках сигарету. Давно никому не удавалось вот так выбить его из колеи. Гадес затянулся, впуская в легкие дым и спокойствие, но Софи, похоже, ничего не заметила. Она задумчиво смотрела вперед, на парковку, а потом повернулась к Гадесу и сказала, как будто извиняясь:

— Это из-за вашего названия. «Стикс течет вспять». Сразу думаешь о древних богах. О временах, когда верили в загробную жизнь, в извивающихся змей на голове Медузы горгоны и в Цербера, который сторожит проход царства мертвых.

— У меня есть собака.

Если бы Гадес умел смущаться, то сейчас определенно смутился бы от того, насколько невольно прозвучала его фраза, но Софи, похоже, восприняла замечание спокойно.

— Здорово, — сказала она. — Мне всегда хотелось собаку. Большую овчарку. Но мама не позволяет.

— Ты живешь где-то рядом?

— В доме на окраине.

— О, один из тех милых домов за крашеным зеленым забором? Идеальный газон, аккуратный почтовый ящик.

Софи рассмеялась.

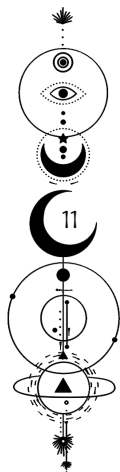
— Что-то вроде того! На нашем нарисованы звезды, а забор кое-где стоило бы подновить.

— Звезды? Необычно.

— Моя мама — ведьма, ей положено что-то такое экстравагантное. Ты еще не видел ее рекламу в газете! «Гадание на Таро, зелья, оккультизм». Привороты только по субботам.

Софи говорила о работе матери легко, явно не слишком придавая ей особенного значения. А может, привыкнув, что в их доме варились так называемые зелья, а на подоконнике росли травы. Но Гадес невольно напрягся: слишком часто он встречал тех, кто называл себя ведьмами и действительно ими и являлся. И ему эти встречи никогда не приносили ничего хорошего.

— Так что насчет древних богов? — неожиданно спросила Софи. — Тебе нравится мифология? Хотя глупый вопрос. Конечно, нравится. У тебя даже имя в честь Аида, бога мертвых.

— Мне нравится одна легенда о нем.

— Какая?

— Что древние боги не умерли и никогда не могут быть мертвы. Аид до сих пор властвует в своем царстве мертвых. А еще бродит по миру в поисках своей жены, Персефоны. Легенда гласит, что ее мать, Деметра, в древности не позволяла им быть вместе, и половину года Персефона проводила с ней в мире цветущего плодородия, а на вторую становилась властительницей Подземного царства.

Софи нахмурилась.

— Я слышала версию, где Аид ее похищал и забирал с собой насильно.

— Возможно, ей нравилось, когда он применял силу? Как бы то ни было, согласно легендам, Аид бессмертен, а вот душа Персефоны перерождается раз за разом для смертной жизни. И Аид ищет ее, чтобы напомнить, кто она, и снова сделать своей королевой. Только Деметра всегда против. Это она придумала прятать дочь в смертных телах.

— Необычная версия. Тебе стоит написать о ней песню.

Дверь клуба распахнулась, и душная темнота выпустила еще одну девушку. Она огляделась, как будто ища кого-то, а когда заметила собеседницу Гадеса, помахала ей рукой:

— Сеф, черт возьми, я тебя обыскалась! Пошли внутрь, тут дубак.

Девушка вновь скрылась в клубе, а Гадес с удивлением посмотрел на Софи:

— Сеф? Ты же сказала, тебя зовут Софи.

Она скривилась:

— Терпеть не могу полное имя и дурацкие сокращения. Поэтому выбрала что-то максимально близкое, но похожее на человеческое имя.

— Как тебя зовут?

— Персефона. Мама тоже поклонница мифологии.

Она отправилась за подругой, и Гадес дернулся, собираясь пойти следом, но не стал. Он ощутил другой зов, гораздо более древний и глубинный. Как же не вовремя! Но души не могут ждать. Гадес затушил сигарету и выкинул в мусорный бак, а потом зашел за угол, где никто не мог его видеть. Прислонился спиной к кирпичной стене, которая пульсировала басами музыки клуба, прикрыл глаза и наконец-то стянул перчатки, позволяя свершиться древней магии. Души мертвых туманом просачивались в него через приоткрытый рот, через подушечки пальцев, через тело, укрытое черной одеждой. Он позволял им проходить сквозь себя и двигаться дальше, туда, где лениво перекатывались воды Стикса, не имеющего дна. Текущего только вперед.

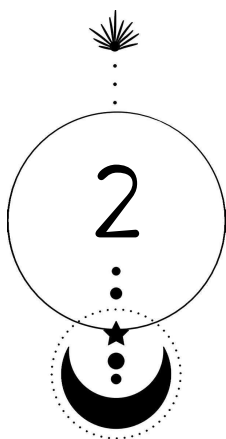
Он — Гадес, он — Врата.

Небольшая плата за возможность не торчать постоянно в Подземном мире.

Мрак рядом с ним соткался в мощного доberman. Пес подошел к хозяину и ткнулся широким лбом в руку. Гадес почесал его между ушами.

— Ну что, приятель, похоже, я нашел ее.

— Я найду тебя...

Шепчут его пересохшие губы, а тени вокруг клубятся, сжимаются и снова расширяются, эхом повторяя слова: «в аду, в аду, в аду...»

Какая злая ирония! Они уже в аду. В Подземном царстве мертвых. И Стикс рядом величественно несет воды дальше, в туманную тьму. А владыка Подземного мира, Аид, держит на руках свою возлюбленную жену, Персефону.

Она умирает.

И никакие силы в мире не способны ее спасти. Она должна умереть в этом теле — и возродиться в новом. Провести половину человеческой жизни со своей матерью Деметрой, а потом вернуться к мужу. И отдать ему вторую половину жизни. Пока снова не умрет. Пока снова не возродится.

Аиду остается только ждать.

Этот цикл идет веками, но он до сих пор не может привыкнуть.

Не научится прощаться.

Узкая ладошка Персефоны в его руках. Хрупкие девичьи пальцы дрожат, но она старается не показы-

вать страха. И пытается улыбаться, касается лица мужа, оставляя на его коже кровавые разводы.

В этот раз смерть пришла с кровью. Забрала хрупкое, вечно юное тело. И теперь дух Персефоны цепляется за изломанную человеческую оболочку, но его неумолимо уносит.

— Я найду тебя... найду твое новое воплощение. Жди меня.

— Я буду ждать, — шепчет она в ответ. Ей больно, и Аид знает это. Но Персефона не подает вида. У нее и без того мало времени. — Найди меня. И я снова буду твоей. Всегда твоей.

Они оба знают, что Деметра не допустит никакого «всегда», что будут условия. Но им хочется верить. Каждый раз.

— Поцелуй меня, — просит Персефона.

Ее голос будто шелест опадающих лепестков еще не распустившихся бутонов роз. Ее глаза отражают юность весны и полноводность Стикса.

— Я буду твоей королевой. Будь моим королем.

Он целует ее. Чувствует вкус крови и аромат лилий. Привкус гранатовых зерен и пыль рассыпавшихся костей на своих пальцах. Он всегда чувствует смерть. Он и есть смерть.

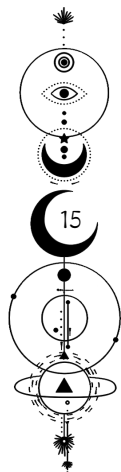
И она тоже.

Она не узнала его.

Персефона не узнала его.

И Гадес не понимал, его это больше удивляет или расстраивает? Печалит? Вызывает недоумение? Он не знал. Но очень жалел, что алкоголь действует на него куда слабее, чем на обычных людей. Чтобы на самом деле напиться, ему придется провести в баре много времени.

После внезапной встречи с Персефой Гадес вернулся в клуб. Он разыскал ее и попробовал загово-

рить. Наверное, еще заходя с морозного воздуха в духоту полутемного помещения, он подозревал правду, но не желал ее признавать.

Как будто стало проще, когда он увидел ответ в удивленном взгляде Персефоны. В ее глазах, которые не менялись от воплощения к воплощению.

Она смотрела на Гадеса, стоя посреди рассеивающейся толпы, между сумраком и бьющими на границе слуха басами приглушенной музыки. Она смотрела и не узнавала так, как узнал ее он — даже если бы на этот раз Деметра отошла от традиции привычного имени.

Он узнавал ее всегда. Не сразу, но всегда.

Какой силой могла воспользоваться ее мать? Гадес не сомневался, это дело рук Деметры. Она всегда считала, что решение богов неверно, и дочь всегда должна оставаться рядом с ней. Как будто того факта, что Персефоне приходится не просто менять тела, а перерождаться, недостаточно.

Как будто то, что Гадес ждет и ищет ее половину жизни, — это мало.

Кто помог Деметре? Она бы никогда не осмелилась в одиночку бросать вызов богам. Да и сил у нее не хватило бы. Не ее стезя. Гадес всегда недолюбливал ее, считая собственницей, не пожелавшей отпустить дочь. Но в этот момент он ее почти ненавидел.

Персефона — или Софи, как она сама себя называла — смутилась и не хотела разговаривать. Она желала как можно быстрее сбежать из клуба и от Гадеса, которого наверняка посчитала навязчивым. Ей бы это удалось, если бы не ее подруга. Гадес не запомнил имени восторженной блондинки, но она оказалась фанаткой группы «Стикс течет вспять». Благодаря ей Персефона не убежала сразу.

Но она молчала бóльшую часть времени, стоя рядом с подругой, которая щебетала о последнем аль-

боме и жаждала получить автограф. Конечно же, Гадес расписался на протянутом альбоме. А потом еще долго смотрел вслед девушкам, когда они выходили из зала. Он надеялся, чары Деметры дадут трещину, когда Персефона увидит его. Он надеялся, она обернется.

Она не обернулась.

И теперь Гадес сидел в почти пустом баре клуба, не зная, то ли ему попытаться напиться, то ли отыскать дом Персефоны и силой вернуть ее (в конце концов, это было бы не первое похищение жены за его долгое существование), то ли... Гадес не знал, что еще можно придумать.

Но понял, что все это придется отложить, потому что ощутил другое божественное присутствие рядом. И мгновение спустя ему на плечо опустилась рука:

— Аид, дружище!

— Я ненавижу это имя, — сухо ответил Гадес.

— Зато, не сомневаюсь, ты рад меня видеть!

— Привет, Амон.

Он уселся на барный стул рядом и заказал у бармена что-то прозрачное в низенькой стопке. Хрупкий, тонкий, он был похож на семнадцатилетнего мальчишку со встрепанными светлыми волосами. На входе у него наверняка проверили документы.

Пришедший бог осушил рюмку и потребовал еще. И только после этого посмотрел на Гадеса.

— Это твой клуб?

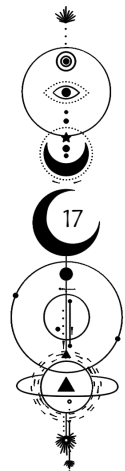
— С какой стати? Нет. У меня группа. Мы тут выступали.

— Серьезно? — Амон обернулся и с интересом окинул взглядом пустующую сейчас сцену. — А что так мелко?

— Зачем мне клуб?

— Не знаю, но это было бы вполне в твоём духе.

Гадес пожал плечами:

— У меня есть целое Подземное царство. К чему мне клуб?

— Для понта.

В ответ Гадес промолчал. Когда-то он, как и многие боги, развлекался тем, что обзаводился на земле всем, что только мог пожелать. И как прочим богам, ему это быстро наскучило. Когда можешь иметь все, обладание быстро становится бессмысленным.

К тому же на самом деле Гадесу всегда было нужно нечто совершенно иное..

— Я нашел ее.

В этот момент Амон как раз рассматривал стопку, решая, стоит ее осушить прямо сейчас или нет. Алкоголь на него действовал как на Гадеса — то есть почти никак. Что-то вроде пива для обычных людей.

После слов Гадеса Амон оторвался от созерцания рюмки и с любопытством посмотрел на него.

— Серьезно? Быстро в этот раз. Так вот почему ты здесь.

Гадес кивнул. Их с Персефоной связь всегда была чем-то необъяснимым даже для них самих. Но его тянуло туда, где рождалось и росло ее новое воплощение. И рано или поздно они встречались. Тогда срок Персефоны у Деметры заканчивался, и она снова уходила с Гадесом.

Но не в этот раз.

— Поздравляю, — сказал Амон. — И где же сейчас твоя темная принцесса?

— Дома, полагаю.

— М-м-м?

— Она меня не узнала.

Вот это заставило Амона сразу же забыть о выпивке. Он выпрямился на стуле и с нескрываемым удивлением посмотрел на Гадеса. Теперь была особенно заметна его необычная форма глаз, как будто слегка миндалевидных. Амону нравилось, когда